

Томсинов В.А., *заведующий кафедрой истории государства и права юридического факультета Московского государственного университета, доктор юридических наук, профессор*

*К столетию со дня учреждения советских органов
государственной безопасности*

**Загадка 1938–1939 годов,
или Второе рождение советских органов
государственной безопасности**

1

История советских органов государственной безопасности таит в своем содержании много тайн. Самые значимые из них для судьбы нашего отечества относятся ко второй половине 30-х годов прошлого столетия и связаны с феноменом так называемых «массовых репрессий». Их волна, прокатившаяся по стране в 1937–1938 годах, накрыла в первую очередь руководящих работников партийных и советских органов, но вместе с тем поглотила сотни тысяч рядовых граждан, признанных «враждебными», «антисоветскими» элементами. Об этом свидетельствуют многие факты и сохранившиеся документы. Утвержденная на заседании Политбюро ЦК ВКП (б) 2 июля 1937 года директива «Об антисоветских элементах» констатировала, что «большая часть бывших кулаков и уголовников, высланных одно время из разных областей в северные и сибирские районы, а потом по истечении срока высылки, вернувшихся в свои области, — являются главными зачинщиками всякого рода антисоветских и диверсионных преступлений, как в колхозах и совхозах, так и на транспорте и в некоторых отраслях промышленности». В связи с этим всем секретарям областных и

краевых парторганизаций и всем областным, краевым и республиканским представителям НКВД предлагалось «взять на учет всех возвратившихся на родину кулаков и уголовников с тем, чтобы наиболее враждебные из них были немедленно арестованы и были расстреляны в порядке административного проведения их дел через тройки, а остальные менее активные, но все же враждебные элементы были бы переписаны и высланы в районы по указанию НКВД»¹. Изданный 30 июля 1937 года во исполнение этой директивы приказ наркома внутренних дел СССР Н.И. Ежова № 00447 направлял репрессии не только на кулаков и уголовников, но и на членов антисоветских партий, бывших белогвардейцев, жандармов, чиновников, сектантских активистов, церковников и прочих. Приказ объявлял: «Перед органами государственной безопасности стоит задача — самым беспощадным образом разгромить всю эту банду антисоветских элементов, защитить трудящийся советский народ от их контрреволюционных происков и, наконец, раз и навсегда покончить с их подлой подрывной работой против основ советского государства»². Данную операцию планировалось «начать 5 августа 1937 года и закончить в четырехмесячный срок».

Приведенные документы показывают, что советские органы государственной безопасности являлись в 1937–1938 годах инструментом массовых репрессий. Именно в такой роли они и представляются, как правило, в публицистической литературе, посвященной этому трагическому событию советской истории.

¹ Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивание. 1927 – 1939: Документы и материалы. В 5 томах. Том 5. 1937–1939. Кн. 1. 1937. М., 2004. С. 319.

² Оперативный приказ наркома внутренних дел СССР Н.И. Ежова № 00447 «Об операции по репрессированию бывших кулаков, уголовников и других антисоветских элементов» // <http://istmat.info/node/32818>.

Между тем в действительности репрессии направлялись в указанное время и на само НКВД в целом, и на входившее в его состав Главное управление государственной безопасности. **Сотрудники органов государственной безопасности были не только ударной силой массовых репрессий, но и сами оказались под ударом репрессивного аппарата своего ведомства.**

Назначение 26 сентября 1936 года на пост народного комиссара внутренних дел Н.И. Ежова означало не просто смену руководства государственной безопасностью СССР: этим назначением создавались условия для репрессивных мер против прежних руководителей НКВД. Выступая 18 марта 1937 года перед начальственным составом НКВД Н.И. Ежов заявил, что Ягода был агентом царской охраны, вором и растратчиком. А в марте следующего года бывший нарком внутренних дел предстал перед Военной Коллегией Верховного суда СССР в качестве обвиняемого по делу антисоветского «право-троцкистского блока» вместе с Н.И. Бухариным, А.И. Рыковым, Н.Н. Крестинским, Х.Г. Раковским и др. советскими государственными и партийными деятелями. В своих показаниях на суде Ягода признался в том, что покровительствовал в аппарате ОГПУ, а затем НКВД людям, которые являлись шпионами различных иностранных разведок и готовил вместе с ними заговор против Советского государства. «Ставили ли мы задачу свержения Советской власти?» – спрашивал он сам себя и сообщал суду: «Я на этот вопрос отвечаю положительно». «Какой общественный строй мы восстановили бы в

стране после свержения Советской власти? Я и на этот вопрос отвечаю прямо — капиталистический строй»³.

Еще во время предварительного следствия Генрих Ягода назвал всех заговорщиков — они оказались сплошь руководителями тех или иных подразделений НКВД.

Приговор Генриху Ягоде, как и другим обвиняемым по делу антисоветского «право-троцкистского блока» был вынесен 13 марта 1938 года. Через день он был расстрелян.

Его преемник на посту наркома внутренних дел и руководителя главного управления государственной безопасности Н.И. Ежов был отстранен от этой должности 25 ноября 1938 года. 3 февраля 1940 года Военная Коллегия Верховного Суда Союза ССР приговорила его к расстрелу.

В своей последней речи Николай Иванович считал необходимым сказать: «Я почистил **14 000 чекистов**. Но моя вина заключается в том, что я мало их чистил. У меня было такое положение. Я давал задание тому или иному начальнику отдела произвести допрос арестованного и в то же время сам думал: ты сегодня допрашиваешь его, а завтра я арестую тебя. Кругом меня были враги народа, мои враги. Везде я чистил чекистов. Не чистил лишь только их в Москве, Ленинграде и на Северном Кавказе. Я считал их честными, а на деле же получилось, что я под своим крылышком укрывал диверсантов, вредителей, шпионов и других мастей врагов народа».

Назначение 25 ноября 1938 года Л.П. Берии на пост наркома внутренних дел СССР произошло в то время, когда Сталин и его

³ Судебный отчет по делу антисоветского «право-троцкистского блока», рассмотренному Военной коллегией Верховного суда Союза ССР 2–13 марта 1938 г. М., 1938. С. 252.

сторонники в руководстве ВКП (б) приняли решение о сворачивании массовых репрессий и соответственно существенном изменении деятельности органов государственной безопасности.

За восемь дней до этого Совет Народных Комиссаров СССР и Центральный Комитет ВКП (б) издали Постановление «*Об арестах, прокурорском надзоре и ведении следствия*». В нем отмечалось, что «за 1937–38 г.г., под руководством партии, органы НКВД проделали большую работу по разгрому врагов народа и очистке СССР от многочисленных шпионских, террористических, диверсионных и вредительских кадров из троцкистов, бухаринцев, эсеров, меньшевиков, буржуазных националистов, белогвардейцев, беглых кулаков и уголовников, представлявших из себя серьезную опору иностранных разведок в СССР и, в особенности, разведок Японии, Германии, Польши, Англии и Франции»⁴. Однако на этом дело «очистки СССР от шпионов, вредителей, террористов и диверсантов» еще не окончено. «Задача теперь заключается в том, чтобы, продолжая и впредь беспощадную борьбу со всеми врагами СССР, организовать эту борьбу при помощи более совершенных и надежных методов».

Объясняя необходимость решительных перемен в деятельности органов государственной безопасности, Постановление от 17 ноября 1938 года делало удивительный вывод: **«Массовые операции по разгрому и выкорчевыванию вражеских элементов, проведенные органами НКВД в 1937–1938 гг., при упрощенном ведении следствия и суда – не могли не привести к ряду крупнейших недостатков и извращений в работе органов НКВД и**

⁴ Лубянка. Сталин и Главное управление госбезопасности НКВД. Архив Сталина. Документы высших органов партийной и государственной власти. 1937–1938. М., 2004. С. 607.

Прокуратуры»⁵ (выделено мною. – В.Т.). По уже сложившейся традиции данные извращения объявлялись следствием подрывной работы врагов народа и шпионов иностранных разведок, пробравшихся в органы НКВД как в центре, так и на местах. Но описание конкретных недостатков в деятельности органов НКВД и прокуратуры показывало, что их истоки руководство ВКП (б) усматривало больше в непрофессионализме работников данных органов, нежели во вредительстве так называемых «врагов народа». Так, в Постановлении «Об арестах, прокурорском надзоре и ведении следствия» констатировалось, что «работники НКВД совершенно забросили агентурно-осведомительную работу, предпочитая действовать более упрощенным способом, путем практики массовых арестов, не заботясь при этом о полноте и высоком качестве расследования. Работники НКВД настолько отвыкли от кропотливой, систематической агентурно-осведомительной работы и так вошли во вкус упрощенного порядка производства дел, что до самого последнего времени возбуждают вопросы о предоставлении им так называемых “лимитов” для производства массовых арестов»⁶.

Вторым крупнейшим недостатком работы органов НКВД Постановление советского Правительства и руководства ВКП (б) называло «глубоко укоренившийся упрощенный порядок расследования, при котором, как правило, следствие ограничивается получением от обвиняемого признания своей вины и совершенно не заботится о подкреплении этого признания

⁵ Там же.

⁶ Там же. С. 608.

необходимыми документальными данными (показания свидетелей, акты экспертизы, вещественные доказательства и проч.)»⁷.

Далее указывалось, что арестованный часто не допрашивается в течение месяца после ареста, иногда и больше. При допросах не всегда ведутся протоколы допроса. «Очень часто протокол допроса не составляется до тех пор, пока арестованный не признается в совершенных им преступлениях. Нередки случаи, когда в протокол допроса вовсе не записываются показания обвиняемого, опровергающие те или другие данные обвинения».

Досталось в Постановлении от 17 ноября 1938 года и органам Прокуратуры. Они упрекались в том, что не принимали со своей стороны «необходимых мер к устранению этих недостатков, сводя, как правило, свое участие в расследовании к простой регистрации и штампованию следственных материалов». Из этих фактов делался жесткий вывод: **«Органы Прокуратуры не только не устраняют нарушений революционной законности, но фактически узаконивают эти нарушения»**⁸.

Стремясь ликвидировать отмеченные недостатки и привести следственную работу органов НКВД и Прокуратуры в надлежащее состояние, СНК СССР и ЦК ВКП(б) постановили:

Во-первых, «запретить органам НКВД и Прокуратуры производство каких-либо **массовых операций** по арестам и выселению. В соответствии со ст. 127 Конституции СССР аресты производить **только по постановлению суда или с санкции прокурора**» (выделено мною. — В.Т.).

⁷ Там же.

⁸ Там же. С. 609.

Во-вторых, «ликвидировать судебные тройки, созданные в порядке особых приказов НКВД СССР, а также тройки при областных, краевых и республиканских Управлениях РК милиции». Все дела надлежало с этого момента передавать, в соответствии с действующими законами о подсудности, на рассмотрение судов или Особого Сопещения при НКВД СССР.

В-третьих, органам НКВД было приказано производить аресты в строгом соответствии с постановлением СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 17 июня 1935 года, то есть лишь с согласия соответствующего прокурора. При этом в Постановлении обращалось внимание на обязанность органов НКВД при истребовании от прокуроров санкций на арест «представлять мотивированное постановление и все, обосновывающие необходимость ареста материалы». Органам же Прокуратуры вменялась обязанность не допускать производства арестов без достаточных оснований.

В-четвертых, рассматриваемое Постановление потребовало от НКВД СССР «обеспечить назначение следователями в центре и на местах лучших, наиболее проверенных политически и зарекомендовавших себя на работе квалифицированных членов партии»⁹ (выделено мною. — В.Т.).

В-пятых, Постановление содержало жесткие требования к НКВД и Прокуратуре в точности соблюдать нормы уголовно-процессуальных кодексов.

Заканчивалось Постановление от 17 ноября 1938 года «Об арестах, прокурорском надзоре и ведении следствия» грозным увещанием: «СНК СССР и ЦК ВКП(б) обращают внимание всех работников НКВД

⁹ Там же. С. 610.

и Прокуратуры на необходимость решительного устранения отмеченных выше недостатков в работе органов НКВД и Прокуратуры и на исключительное значение организации всей следственной и прокурорской работы по-новому.

СНК СССР и ЦК ВКП(б) предупреждают всех работников НКВД и Прокуратуры, что за малейшее нарушение советских законов и директив Партии и Правительства каждый работник НКВД и Прокуратуры, невзирая на лица, будет привлекаться к суровой судебной ответственности»¹⁰.

26 ноября, на следующий день после своего вступления в должность Наркома внутренних дел СССР, Л.П. Берия издал Приказ 00762 «О порядке осуществления Постановления СНК СССР и ЦК ВКП (б) от 17 ноября 1938 года». Данное постановление, заявил он, «вскрывает серьезные недостатки и извращения в работе органов НКВД и прокуратуры и указывает пути подъема работы нашей советской разведки в деле окончательного разгрома врагов народа и очистки нашей страны от шпионско-диверсионной агентуры иностранных разведок, от всех предателей и изменников родины»¹¹.

В целях исполнения Постановления от 17 ноября 1938 года Берия обязал все органы НКВД руководствоваться содержащимися в нем указаниями. Он повторил их в своем приказе, добавив необходимые пояснения. Так, например, указав на необходимость «немедленно прекратить производство каких-либо массовых операций по арестам и выселению», он дополнил это предписание словами: «*понимая под*

¹⁰ Там же. С. 610–611.

¹¹ Приказ Народного Комиссара Внутренних Дел Союза ССР «О порядке осуществления постановления СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 17 ноября 1938 года». 26 ноября 1938 г. // Лубянка. Сталин и Главное управление госбезопасности НКВД. Архив Сталина. Документы высших органов партийной и государственной власти. 1937–1938. М., 2004. С. 612.

массовыми операциями групповые аресты или выселение без дифференцированного подхода к каждому из арестуемых и выселяемых лиц и предварительно всестороннего рассмотрения всех имеющихся на него обвинительных материалов»¹².

Шестнадцатым пунктом своего приказа новый нарком внутренних дел СССР повелел «снабдить весь состав оперативных работников НКВД Центра и на местах экземплярами уголовных кодексов и уголовно-процессуальных кодексов»¹³.

О том, что Постановление СНК СССР и ЦК ВКП (б) «Об арестах, прокурорском надзоре и ведении следствия» было не только идеологическим документом, но и актом, которому придавалось особое юридическое значение, свидетельствуют многие факты и прежде всего практические последствия его принятия. Из «Справки 1 спецотдела МВД СССР о количестве арестованных и осужденных в период 1921–1953 гг., составленной 11 декабря 1953 года, видно, что количество осужденных в СССР в 1939 году по сравнению с 1937 и 1938 годами уменьшилось в десять и более раз. Если в указанные были осуждены соответственно 790665 и 554258 человек, то в 1939 году — 63889 человек¹⁴.

В ходе гражданской войны и во времена НЭПа органы государственной безопасности стали по сути выходить из-под контроля правящей партии. Советское же общество, слабо организованное, расколотое на части и раздираемое противоречиями, не было способно сколько-нибудь эффективно противостоять эгоизму

¹² Там же. С. 613.

¹³ Там же. С. 615.

¹⁴ ГА РФ. Фонд 9401. Оп. 1. Д. 4157. Л. 201–205 (подлинник, рукопись).

Опубликовано: ГУЛАГ: Главное управление лагерей. 1918–1960 / сост. А.И. Кокурин, Н.В. Петров. М., 2000. С. 433–434.

властвующим. Беда всякой революции заключается в крахе не только государства, но вместе с ним и всей традиционной системы обуздания человеческих пороков, складывающейся постепенно и в течение длительного времени, десятилетиями и даже столетиями. Вследствие этого человеческие пороки вырываются на волю и душат всякую свободу. Но они становятся подлинным бедствием для общества и государства, если к ним добавляется власть всемогущего государственного учреждения.

Борис Георгиевич Бажанов, бывший секретарь Политбюро и помощник И.В. Сталина, бежавший 1 января 1928 года за границу, писал в своих воспоминаниях о статусе и состоянии советских органов государственной безопасности в начале 20-х годов: «Я очень скоро понял, какую власть забирает ГПУ над беспартийным населением, которое отдано на его полный произвол. Так же ясно было, почему при коммунистическом режиме невозможны никакие личные свободы: все национализировано, все и каждый, чтобы жить и кормиться, обязаны быть на государственной службе. Малейшее свободомыслие, малейшее желание личной свободы — и над человеком угроза лишения возможности работать и, следовательно, жить. Вокруг всего этого гигантская информационная сеть секотов, обо всех все известно, все в руках у ГПУ. И в то же время, забирая эту власть, начиная строить огромную империю ГУЛага, ГПУ старается как можно меньше информировать верхушку партии о том, что оно делает... У меня впечатление, что партийная верхушка довольна тем, что заслон ГПУ (от населения) действует превосходно, и не имеет никакого желания знать, что на самом деле делается в недрах ГПУ: все довольны, читая официальную болтовню «Правды» о стальном мече революции (ГПУ), всегда зорко стоящем на страже завоеваний

революции»¹⁵. Отмеченные в приведенном высказывании разрушительные процессы только усугубились во второй половине 20-х – первой половине 30-х годов. В 1937–1938 годах советские органы государственной безопасности в сущности перестали выполнять подлинное свое предназначение, оказались фактически в состоянии разложения и под угрозой распада. Их преступная деятельность стала реальной угрозой для Советского государства.

С этой точки зрения затеянное И.В. Сталиным и его сторонниками в конце 1938 и в течение 1939 годов преобразование деятельности Наркомата внутренних дел СССР было попыткой остановить их разложение и самоуничтожение, возродить советские органы государственной безопасности в подлинном их значении и предназначении и тем самым спасти страну от новой губительной гражданской войны. Но удалась ли эта попытка?

2

О массовых репрессиях, обрушившихся на наше общество в 1937 году, написаны горы книг и будет написано еще больше, но это страшное явление все равно останется для русского человека **непóнятым и непонятным**.

Потому что ПОНЯТЬ для нас всегда означает ОПРАВДАТЬ или ПРОСТИТЬ, но массовые репрессии оправдать или простить с точки зрения здорового человеческого сознания абсолютно невозможно.

Остается только одно – всего лишь попытаться объяснить:
что это было? И почему оно случилось?

¹⁵ Бажанов Б.Г. Борьба Сталина за власть. Воспоминания личного секретаря. М., 2017. С. 206.

Ключ к объяснению любой политической революции надо искать не на входе в нее, а на выходе. Есть интересное выражение — «бегство от свободы»¹⁶. От революции же, которая всегда представляется революционерами и их сторонниками в обществе как воплощение подлинной свободы, никакого бегства быть не может, потому что от революции убежать невозможно. Можно лишь медленно и тихо из нее выйти, вынося при этом революцию из себя.

От массовых репрессий точно также убежать невозможно. Из этого явления, по сути представляющего собой особого рода революцию, можно лишь выползти.

Со второй половины 1938 года и в 1939 году наша страна медленно выползала из состояния массового террора и соответственно из массового психоза, помешательства, безумия. Ни в чем это выздоровление не проступало так сильно и явственно, как в том, что происходило тогда с органами и в органах государственной безопасности, воплощавшихся в учреждении под названием «Наркомат Внутренних Дел Союза ССР».

Прекращение массовых репрессий уже само по себе предполагало перемены в организации и деятельности органов государственной безопасности. Они должны были превратиться из инструмента террора, действующего как оружие массового поражения, уничтожающего не только воюющую силу, но вообще все, что несет в себе какую-то опасность для правящих группировок или даже просто возможность противодействия ей, в средство защиты государства от враждебной деятельности, разрушающей государственные устои или

¹⁶ Так назвал свою книгу, вышедшую первым изданием в 1941 г. в Нью-Йорке немецкий философ, социолог и психоаналитик Эрих Селигманн Фромм (*Erich Seligmann Fromm, 1900–1980*).

наносящей государству существенный вред. Очевидно, что такое превращение требовало по сути создания новых органов государственной безопасности. А для этого было явно недостаточно издания Постановления СНК СССР и ЦК ВКП (б) «Об арестах, прокурорском надзоре и ведении следствия» и устранения в работе НКВД и Прокуратуры Союза ССР отмеченных в нем «крупнейших недостатков и извращений». Чтобы государственные учреждения стали работать по-новому их состав следовало наполнить новыми и более подходящими для служения интересам государства людьми.

14 ноября 1938 года, то есть за три дня принятия указанного постановления, ЦК ВКП (б) издал секретную директиву для бюро горкомов, обкомов, крайкомов и ЦК ВКП (б) республик об учете и проверке в партийных органах ответственных сотрудников НКВД. В ней сообщалось, что «ЦК ВКП(б) принял постановление о том, что в ЦК ВКП(б) подлежат учету, проверке и утверждению все ответственные работники центрального аппарата Наркомвнудела от высших должностей до начальников отделений и следующие ответственные работники местных органов Наркомвнудела — наркомы, заместители наркомов и начальники отделов НКВД союзных и автономных республик; начальники краевых, областных и окружных органов НКВД, их заместители и начальники отделов этих органов; начальники городских и районных отделений НКВД»¹⁷. Этой директивой изменялся прежний порядок назначения на должности в органах государственной безопасности, установленный циркуляром Главного управления государственной безопасности НКВД СССР от

¹⁷ Лубянка. Сталин и Главное управление госбезопасности НКВД. Архив Сталина. Документы высших органов партийной и государственной власти. 1937-1938. М., 2004. С. 604.

27 июля 1936 года и допускавший прием на службу в них без проверки и утверждения в партийных органах. Новый порядок выдвижения на ответственные должности во всех органах НКВД означал фактическое подчинение этих органов соответствующим партийным комитетам.

Произошедшее при разворачивании массовых репрессий освобождение органов государственной безопасности от партийного контроля не могло случиться без ведома и поддержки Сталина и его сторонников в руководстве ВКП (б). Оно позволяло более эффективно использовать их против партийных чиновников всех уровней. Однако в изданном 17 ноября 1938 года Постановлении СНК СССР и ЦК ВКП (б) «Об арестах, прокурорском надзоре и ведении следствия» избавление этих органов от партийного контроля было приписано проидам врагов. Указав на ряд «крупнейших недостатков и извращений» в работе органов НКВД и Прокуратуры, данное постановление отметило, что они оказались возможными «только потому, что пробравшиеся в органы НКВД и Прокуратуры враги народа всячески пытались оторвать работу органов НКВД и Прокуратуры от партийных органов, уйти от партийного контроля и руководства и тем самым облегчить себе и своим сообщникам возможность продолжения своей антисоветской, подрывной деятельности»¹⁸.

Руководящие работники органов государственной безопасности сразу поняли, как они должны относиться к руководителям партийных комитетов. 27 декабря 1938 года начальник УНКВД по Мурманской области Александр Константинович Уралец сообщал наркому внутренних дел Л.П. Берии: «После решения СНК и ЦК

¹⁸ Там же. С. 609.

ВКП(б) от 17 ноября для меня особенно ясно, что свои отношения с бюро обкома партии я должен строить не только на основе доверия к первому секретарю обкома, а и подчиняться обкому в ряде вопросов своей работы»¹⁹.

Замена Н.И. Ежова на Л.П. Берия в качестве руководителя НКВД СССР стала началом новых чисток в кадровом составе советских органов государственной безопасности. Официально Ежов был освобожден от обязанностей народного комиссара внутренних дел СССР Постановлением ЦК ВКП (б) от 24 ноября 1938 года по причине его болезненного состояния. Однако в посланной И.В. Сталиным на следующий день руководителям партийных органов республик, краев и областей шифрованной телеграмме утверждалось, что Ежов был освобожден от работы в НКВД, потому что не реагировал надлежащим образом на сигналы с мест о неблагополучии в аппарате НКВД, об ошибках в работе наркомата, о предательстве его ответственных работников. В телеграмме также сообщалось, что «в ЦК поступали сведения о том, что после разгрома банды Ягоды в органах НКВД СССР появилась другая банда предателей, вроде Николаева, Жуковского, Люшкова, Успенского, Пассова, Федорова, которые запутывают нарочно следственные дела, выгораживают заведомых врагов народа, причем эти люди не встречают достаточного противодействия со стороны т. Ежова»²⁰. Это сообщение ориентировало партийных руководителей на тщательную проверку работы органов НКВД и решительные действия по обновлению их кадрового состава. И местные партийные комитеты не замедлили с

¹⁹ ЦА ФСБ. Фонд 3. Оп. 5. Д. 84. Л. 113.

²⁰ Лубянка. Сталин и Главное управление госбезопасности НКВД. Архив Сталина. Документы высших органов партийной и государственной власти. 1937–1938. М., 2004. С. 612.

такими проверками. При этом они начали инициировать по их результатам аресты руководящих работников НКВД.

В течение ноября и декабря из местных партийных комитетов в Политбюро ЦК ВКП (б) шел целый поток сообщений о вскрытых или ставших вдруг известными злоупотреблениях со стороны органов НКВД. Так, первый секретарь ВКП (б) Белоруссии П.К. Пономаренко писал, что проверкой установлен факт содержания в тюрьмах республики 2800 человек, о вине которых в совершении каких-либо преступных деяний вообще не представлено доказательств. Следователи НКВД не выпускают их из-под ареста, поскольку опасаются, что арестованные расскажут об издевательствах над ними, о том, что следователи их избивали, пытаясь добиться признания в совершении преступлений, которые подследственные не совершали и не могли совершить. При этом десятки арестованных без каких-либо законных оснований умерло в белорусских тюрьмах. Получив это сообщение, Сталин поручил Молотову и Берии «очистить от грязи белорусские органы НКВД», признав при этом, что «такой грязи немало во всех других республиках и областях»²¹.

В результате этой кампании в период с сентября по декабрь 1938 года были замены почти все руководители республиканских, краевых и областных НКВД-УНКВД. В это же время было арестовано 332 руководящих работника НКВД (140 человек в центральном аппарате и 192 на периферии), в том числе 18 наркомов внутренних дел союзных и автономных республик²².

²¹ Архив Президента РФ. Фонд 3. Оп. 58. Д. 407. Л. 6-9.

²² Лубянка. Сталин и Главное управление госбезопасности НКВД. Архив Сталина. Документы высших органов партийной и государственной власти. 1937-1938. С. 663.

Кадровая чистка в составе НКВД почти не коснулась Главного управления государственной безопасности. Оно было упразднено 28 марта 1938 года. Но ровно полгода спустя это подразделение восстановили (на основании Постановления Политбюро ЦК ВКП (б) от 23 сентября 1938 года «О структуре НКВД СССР), и на пост его начальника был назначен Л.П. Берия, который одновременно занял должность первого заместителя наркома внутренних дел и явно готовился на место Н.И. Ежова.

25 ноября 1938 года назначение Л.П. Берии на пост наркома внутренних дел состоялось, а спустя двадцать дней, Постановлением Политбюро ЦК ВКП (б) от 15 декабря 1938 года, новым начальником Главного управления государственной безопасности и одновременно первым заместителем наркома внутренних дел был утвержден В.Н. Меркулов. 17 декабря он официально вступил в эту должность²³.

Чтобы ускорить кадровое обновление органов НКВД Политбюро ЦК ВКП (б) приняло 26 ноября 1938 года Постановление «О работниках для НКВД», которым дало разрешение наркомату внутренних дел организовать месячные курсы по подготовке работников НКВД. Берии и Маленкову было поручено «совместно с обкомами, крайкомами, ЦК нацкомпартии отобрать слушателей на эти курсы из числа руководящих районных и областных партийных и комсомольских работников»²⁴. В декабре 1938 года в Москве было отобрано для учебы на таких курсах и последующей службы на

²³ 3 февраля 1941 г. Главное управление государственной безопасности будет преобразовано в Наркомат государственной безопасности, и выдвигенец Берии Всеволод Николаевич Меркулов станет его руководителем.

²⁴ Там же. С. 617.

ответственных должностях в органах НКВД в центре и на местах 1500 «политически проверенных и передовых производственников»²⁵.

Тем временем шла проверка состояния всей системы НКВД специальной комиссии в составе председателя комиссии партийного контроля А.А. Андреева, заведующего ОРПО ЦК ВКП (б) Г.М. Маленкова и наркома внутренних дел Л.П. Берии. Результатом ее работы стала справка, представленная 9 января 1939 года И.В. Сталину. В ней делались следующие, весьма жесткие выводы:

«1. За время руководства тов. Ежова Наркомвнудел СССР вплоть до момента его освобождения от обязанностей Наркома большинство руководящих должностей в НКВД СССР и в подведомственных ему органах (НКВД союзных и автономных республика, НКВД краев и областей) занимали враги народа, заговорщики, шпионы.

2. Враги народа, пробравшиеся в органы НКВД, сознательно искажали карательную политику Советской власти, производили массовые необоснованные аресты ни в чем не повинных людей, в то же время укрывая действительных врагов народа.

3. Грубейшим образом извращались методы ведения следствия, применялись без разбора массовые избиения заключенных для вымогательства ложных показаний и “признаний”. Заранее определялось количество признаний, которых должен добиться в течение суток каждый следователь от арестованных, причем нормы часто доходили до нескольких десятков “признаний”».

Как видим, деятельность Ежова и других руководителей НКВД оценивалась предельно жестко и для такой оценки имелись все основания. Но нельзя не обратить внимания на то, что главной

²⁵ Архив Президента РФ. Фонд 3. Оп. 58. Д. 25. Л. 34.

причиной превращения этого ведомства в орудие массовых репрессий Сталин и его сторонники в руководстве ВКП (б) всегда старались представить деятельность так называемых врагов народа, пробравшихся в его руководство. В этом, конечно, можно усмотреть стремление руководителей Советского государства переложить собственную ответственность на тех, кто исполнял их решения. Но думается, это слишком упрощенное объяснение.

Такие явления, как революции и массовые репрессии, всегда имеют организаторов и поджигателей, играющих очень важную — зажигательную, возбуждательную и направляющую — роль. Эта роль особенно значима в начале разворачивающегося процесса революции и массовых репрессий. В дальнейшем же своем ходе все революции и явления, называемые «массовыми репрессиями», обыкновенно выходят из-под контроля внешних сил и совершаются в значительной мере по своим внутренним законам, не постижимым и, как правило, не подвластным простым смертным.

В конце концов в любой революции обязательно наступает момент, когда не противники революционеров — не те силы, против которых она направляется, становятся для революционеров главной угрозой, а как ни странно — **сама революция**. Подобная метаморфоза случается и с массовыми репрессиями. Конечно, всегда есть кто-то, запускающий их маховик и определяющий направление удара. Но так же, как и революции, массовые репрессии всегда и довольно быстро и неумолимо выходят из-под контроля своих организаторов и направителей-руководителей, превращаясь в стихийную силу, чрезвычайно опасную для них. Чтобы спасти себя от гибели, дабы не попасть под удар тех массовых репрессий, которые они развязали, им

ничего не остается делать, как стремиться к насколько возможно быстрому их прекращению.

Массовые репрессии, развернувшиеся в Советском Союзе в 1937–1938 годах, явно имели не одного организатора и руководителя-направителя, не одну их группу, а несколько. Местные секретари партийных комитетов, особенно республиканских, краевых и областных, выступали, например, той силой, которая вполне могла поспорить со Сталиным и его сторонниками в руководстве ВКП (б) за право считаться зачинателем массовых репрессий. Такая ситуация была для сталинской группировки чрезвычайно опасной. Ведь группа Сталина и его сторонников являлась не только субъектом, но и вполне вероятным объектом террора. Думается, именно поэтому в июле 1936 года Сталин решился изъять органы государственной безопасности из под контроля партийных комитетов. Это был с его стороны очень рискованный шаг, но оставлять государственные органы, способные служить орудием репрессий, в руках местных партийных бонз из большевиков-революционеров являлось для него значительно более рискованным. Поэтому как только эти партийные чинуши были низвергнуты и превращены в прах, Сталин восстановил прежнее подчинение органов государственной безопасности партийным комитетам и прежде всего Центральному Комитету ВКП (б).

Как бы то ни было, в ситуации, сложившейся в коммунистической партии и в Советском государстве к середине 1938 года, своевременный выход из массовых репрессий (во всяком случае их резкое ограничение, а по возможности и прекращение) был для Сталина и его сторонников единственным путем к спасению.

Но для этого необходимо было в первую очередь возродить органы государственной безопасности в их настоящем состоянии и

предназначении, как нормальный государственный институт. Только в этом своем качестве они могли стать защитой государству и его руководителям.

При объяснении мер по ограничению массовых репрессий, предпринятых Сталиным, во второй половине 1938 года, нельзя не учитывать и того, что происходило тогда в Европе. Выход из массовых репрессий и возрождение органов государственной безопасности Сталин начал сразу после того, как совершился Мюнхенский договор между главами правительств Германии, Италии, Великобритании и Франции. 29 сентября 1938 года в Мюнхене Адольф Гитлер, Бенито Муссолини, Невилл Чемберлен и Эдуард Даладье подписали соглашение, по которому входившая в состав Чехословакии Судетско-немецкая область включалась в состав Германии. В результате этого договора преступные правительства Великобритании и Франции фактически предоставили в распоряжение фашистской Германии Чехословакию с ее развитой военной промышленностью. В марте 1939 года Чехия была оккупирована немецкими войсками и стала протекторатом Германии под средневековым названием Богемии и Моравии, а Словакия приняла на себя роль ее союзника²⁶. Запад явно готовил еще один военный поход против России, отдавая людские, промышленные, финансовые ресурсы Европы на службу агрессивному Германскому государству, которое усилиями мировой олигархии превращалось ускоренными темпами в таран для удара по Русской цивилизации.

²⁶ 5 сентября 1939 г. войска Словакии войдут в Польшу и таким образом это государство вступит во Вторую мировую войну на стороне фашистской Германии.

11 января 1939 года Политбюро ЦК ВКП (б) приняло строго секретное постановление «О работе особых отделов НКВД СССР», в первом же пункте которого было заявлено: «На Особые Отделы НКВД возлагаются специальные задачи по борьбе с контрреволюцией, шпионажем, диверсией, вредительством и всякого рода антисоветскими проявлениями в Рабоче-Крестьянской Красной Армии, Военно-Морском флоте и пограничных и внутренних войсках НКВД»²⁷.

Данное постановление определяло правила агентурной работы сотрудников НКВД в войсках и на флоте и одновременно устанавливало надежные гарантии против произвольных, необоснованных арестов рядового и командного состава РККА и военно-морского флота.

Четвертый пункт этого документа гласил: «Для руководства Особыми Отделами НКВД и выполнения задач, возложенных на Особые Отделы по центральному аппарату Народного Комиссариата Оборона Союза ССР, Народного Комиссариата Военно-Морского флота и Главного Управления пограничных и внутренних войск НКВД СССР, организуется Особый Отдел НКВД СССР армии и флота, входящий в состав Главного Управления Государственной Безопасности НКВД СССР»²⁸.

Постановление Политбюро ЦК ВКП (б) от 11 января 1939 года убедительно показывало, что органы государственной безопасности встраивались оборонительную систему нашей страны, в качестве механизма обеспечивающего ее прочность и эффективность. Это

²⁷ Лубянка. Сталин и НКВД – НКГБ – ГУКР «Смерш». 1939 – март 1946.

Архив Сталина. Документы высших органов партийной и государственной власти. М., 2006. С. 16.

²⁸ Там же. С. 17.

означало, что они рождались к новой жизни, чтобы служить не орудием массовых репрессий и разрушительной по отношению к государству и обществу политики, а средством, поддерживающим здоровье государства и общества, спасающим государственный и общественный организм от внешних инфекций и тяжелых внутренних заболеваний.